

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

ШАНС

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл

«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН

РОМАН

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 899

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23 Проклятый горн: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1741-4

Горячий ветер стремительно рвется с юга, прогоняя суровую зиму и принося на крыльях черную смерть. Загадочный темный кузнец разжег в своем горне пламя судного дня, зловещие тени собираются в школе стражей, и не за горами время могил.

Людвиг, Гертруда, Проповедник и Пугало оказались на перекрестке эпох, и путь, который они вынуждены выбрать, ведет их к гибели.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1741-4

© Пехов А. Ю., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

История первая ВРЕМЯ МОГИЛ

— На нашем пути сплошные могилы, Людвиг, — с мрачной меланхолией произнес Проповедник.

Он смотрел в яму, из которой торчала почерневшая рука мертвеца. Остальное тело было скрыто под талой мартовской водой.

— Ненавижу могилы! — продолжил мой спутник, и кровь не переставая текла из его проломленного виска. — Они как оспины на теле земли. Почему мы умираем?

Я подул на клинок моего кинжала, и выующийся вокруг него сизый дымок отпрянул, подхваченный сырым и промозглым весенним ветром. Душа, с которой мне пришлось сражаться, оказалась на удивление сильной для обычного бродяги, не сумевшего пережить зиму и замерзшего среди сугробов.

— Ты спрашиваешь у меня, друг Проповедник? Не знаю. Что об этом говорится в трудах, которые ты то и дело цитируешь?

Он, все так же неотрывно продолжая смотреть на тронутые тлением пальцы, неохотно продекламировал:

— А живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, — всегда Господни¹. Разве в смерти есть какая-то Его цель, Людвиг? Разве Он не любит нас? И если любит, то почему то и дело я в пути натываюсь на трупы?

— Я не настолько мудр, чтобы обсуждать законы жизни и смерти. Все рано или поздно умирают.

Бродящее по колючим кустам Пугало остановилось и поддержало меня горячим кивком. Оно было не против, чтобы умирали. И желательно как можно скорее.

¹ Рим. 14, 8.

— Если бы я только мог плакать, то уже выплакал бы все слезы за тех, кто мертв, — между тем прошептал мой спутник. Сейчас он выглядел очень старым, уставшим и больным. Словно был не светлой душой, которая не чувствует ни холода, ни простуды, ни голода, а живым человеком.

— Ты сегодня настроен слишком мрачно. Есть основания? — осторожно поинтересовался я.

— Просто дурное настроение. Даже у таких, как я, оно случается. Скажи, тебя не тошнит от смертей? Вокруг нас всегда кто-нибудь расстается с жизнью. Не важно, плохой он или хороший. Сегодня чаша моя переполнилась и мне в кои-то веки жалко все человечество. Должен хоть кто-то скорбеть о нем.

Я убрал кинжал в ножны и отошел от ямы с мертвецом, душа которого несколько минут назад отправилась в ад.

— А мне кажется, причина в ином. Ты как с утра завел речь о темном кузнеце, так и успокоиться не можешь.

Он раздраженной сорокой глянул на меня, поджал губы:

— Этот тип опаснее стаи бешеных волков, но ты, как дурак, продолжаешь лезть на рожон. Ты будто потерял осторожность и забыл о случившемся в Крусо. Мне в двадцатый раз придется напомнить тебе о Кристине.

— Я не забыл! — Это получилось куда более резко, чем я хотел, но старый пеликан мог бы и промолчать.

Стоило закрыть глаза, и я видел заброшенное фермерское поле, на котором, точно золотые цветы, пылали огромные костры. Обугленные трупы, едва дышащая Криста и ее последние слова... Она умерла до наступления рассвета, так больше и не проснувшись. Я упустил тот момент, когда ее неглубокое дыхание остановилось, и просидел рядом с телом, пока не замерз.

С рассветом из Крусо приехали церковники. Среди них был и Роман. Он ничего мне не сказал, просто протянул флягу с крепким наرارским бренди и поспешил к сгоревшей ферме. Я глотал напиток, обжигающий губы и язык, а вокруг суетились инквизиторы, по периметру территории выстраивалась цепь из копейщиков городской роты.

Золотые костры к тому времени почти погасли, но к ним все еще никто не осмеливался приблизиться, такой они источали жар. Трупы хагжита и наемника погрузили на подъехавшую телегу, хотели сделать то же с Кристиной, но я так рыкнул на какого-то монашка, что от меня отстали до решения легата кардинала.

Роман вернулся, сказал, чтобы тело стража оставили в покое, и протянул мне кирку, себе оставив лопату. Мы направились к находящейся на невысоком пригорке березовой роще и начали рыть могилу.

Земля была промерзлой, и каждый удар по ней болью отдавался у меня в ладонях, но я не останавливался, и, когда мы закончили, кожа была стерта в кровь, а спина ныла. Я принес Кристину на руках, она оказалась маленькой и удивительно легкой. Цыган тем временем соорудил из двух молодых березок крест. Когда над могилой появилась горка земли, а Проповедник дочитал заупокойную, я протянул кинжал Кристы, которым та владела так недолго, Роману:

— Поприсутствуй при уничтожении, пожалуйста. Ты ведь можешь выступать как официальное лицо?

Он кивнул, убрал оружие, спросив:

— А что будешь делать ты?

— Уеду прямо сейчас. Возвращаюсь в Ардену.

Но цыган воспротивился этому:

— Извини, Людвиг, не получится. У нас слишком много вопросов к тебе. Придется ответить на них. — И, видя, что я колеблюсь, с нажимом произнес: — Лучше, чтобы это произошло в моем присутствии.

Он был прав. Спешить мне все равно уже некуда. Я не следопыт и не ищейка. Нагнать Вальтера, а я уверен, что он остался жив, так как его тело не нашли, или самого кузнеца — не выйдет.

Я рассказал им сказку о колдуне, который избавился от своих подельников и сбежал. Писарь все аккуратно занес в бумаги, а двое клириков в серых рясах лишь кивнули на прощанье да ушли.

Когда мы прощались, Роман негромко заметил, глядя в сторону:

— Я многое знаю о волшебстве и других силах, Людвиг, но случившееся здесь и на площади Крусо приводит меня в дрожь. Он не смог уничтожить кардинала Урбана лишь потому, что мы были готовы, и благодаря ковчезцу со святой реликвией. Именно эта сила остановила золотое пламя. Но и ее он едва не преодолел. Кто этот человек? Чего он хотел? Почему сперва напал на площади, а затем прикончил этих заговорщиков?

Он все еще ждал правды, которую я не сказал.

— Поговори с ди Травинно.

— Человек, имеющий все шансы стать следующим Папой, вряд ли мне что-то расскажет. — Цыган невесело усмехнулся в усы.

— Про кардинала Урбана твердят то же самое. Кто-то из них двоих может стать Папой, если переживет нынешнего. Поговори с ди Травинно, — вновь повторил я. — Ему известно больше, чем мне.

— Его высокопреосвященство направляет меня с докладом в Риापано. Хочет, чтобы его святейшество услышал факты, а не слухи, что уже бегут по дорогам, обгоняя друг друга.

— Пусть Урбан больше не носит глаз серафима у себя на шее. Снимет и спрячет как можно лучше. И дальше.

Чуть золотистые глаза цыгана стали задумчивыми:

— Весь сыр-бор из-за этого булыжника? Считаешь, что убивший людей на площади и здесь — приходил за ним?

— Да. И Вальтер тоже так думал. Избавь кардинала от этой вещи. Увези камень в Риापано, под защиту святых стен. Спрячь в самое глубокое хранилище.

— Урбан упрям как мул. Боюсь, даже у меня не получится убедить его.

— Тогда хотя бы пусти слух, что глаза серафима у кардинала больше нет. Мол, обет завершен. Иначе тот, кто зажжет огонь, снова вернется и на этот раз достигнет своей цели.

— Какой? — быстро спросил Роман.

Я лишь в который раз повторил:

— Ди Травинно знает больше меня.

Я видел, что он решает, как со мной поступить. Ему хотелось получить ответы прямо сейчас, по горячим следам. Но имя, которое я ему называл, значило многое и имело вес. Так что церковник неохотно вздохнул, поджал губы, защищаясь от холодного ветра запахнул плащ пилигрима:

— Бог с тобой, ван Нормайенн. Иди с миром.

Мы распрощались, и каждый направился своей дорогой. Он на юг, я на север — и за первые две недели марта добрался до герцогства Удальн.

Клагенфурт — третий по величине город в государстве — был у меня на пути, но я наткнулся на темную душу, и пришлось сойти с тракта.

Теперь меня окружал просыпающийся после долгого зимнего сна лес. Весенний, едва стряхнувший с себя наваждение

холодов, серо-белый и голый. На маленькой полянке из-под еще не сошедшего снега пробивались сотни бледно-лиловых крокусов. Новая жизнь без всякого отвращения соседствовала со смертью.

— Мертвеца закапывать будешь? — Проповедник видел, что я собираюсь уходить.

— Чем? Лопаты все равно нет. Он больше не причинит неприятностей живым.

— Ну, значит, его похоронят лисы да другие твари Божьи.

Я поднял со снега прямой, тяжелый рейтарский палаш с S-образной гардой и свой потертый, промокший с одной стороны от снега рюкзак. Из леса пришлось выбираться по своим же следам. Мое сопровождение поотстало, Проповедник что-то втолковывал Пугалу, а то делало вид, что рядом с ним пустое место, что страшно злило старикана.

— Чего вы там не поделили? — обернулся я, выйдя на размокшую дорогу.

Впереди виднелась какая-то деревенька, справа серые, еще не обработанные поля и снежные проплешины на них, а слева огороженные редким частоколом пустые выпасы.

— Пытаюсь достучаться до нашего придурковатого молчаливника. Быть может, он объяснит тебе, что играть в догонялки с неизвестным опасно для здоровья!

— Неизвестный — вот ключевое слово. Я не знаю, кто он такой, как выглядит и чего хочет. Не говоря уже о том, в какую сторону кузнец направился после того, как сжег ферму. В Клагенфурт я спешу совсем по другому делу.

— Да кому ты зубы заговариваешь?! Между прочим, я твоя невидимая совесть. И не надо смеяться! — Последние слова старого пеликана были обращены к Пугалу. — Я больше, чем ты, хожу с ним и...

— Проповедник, ты как ревнивая жена, — укорил я его. — Дай соломенной голове повеселиться. Он уже вторую неделю ходит смурной.

— Да все мы не рады тому, как обстоят дела. Если Кристина была права и кузнец действительно намеревается распахнуть адские ворота, то впору отправляться в церковь да замаливать свои грехи перед Господом, так как конец света, увы, не за горами. А насчет тебя мне давно все понятно. Одно другому не мешает. Я ведь знаю, зачем тебе в Клагенфурт. Там живет дочь колдуна Вальтера.

— И я обещал Кристине, что доставлю ее в Арденау. Проповедник открыл рот, с неохотой закрыл его и потянул впивающийся в шею воротничок сутаны.

— Не держи в себе. Скажи, — подтолкнул я его.

— Не по-божески такое вслух произносить.

— Когда подобные пустяки останавливали твое брюзжание? — Я не мог скрыть иронию, и он пробурчал, не глядя на меня:

— Нечего связываться с отродьем колдуна. В моих краях таких топили сразу после рождения. Как котят. Очень жестоко, конечно, но зато потом проблем меньше было.

— Эм... — Я перепрыгнул через лужу. — Ты мне рекомендуешь убить невинного ребенка?

— Это он пока невинный. А как научится проклятья насыпать да дождь из жаб вызывать... Я видел, какая скотина Вальтер. Почему дочь должна быть лучше? Яблоко от яблони...

— И мне ее утопить? — с нажимом спросил я.

Он стушевался и пошел на попятную:

— Нет. Это я так... Не по законам Его наказывать тех, кто ничего не совершил. За поступки отца она точно не должна отвечать.

— Ну вот ты сам все и сказал. Тема закрыта.

На окраине деревни, по соседству с трактом, примостилась почтовая станция. Среди весеннего бездорожья, грязи, луж и талого снега домик с крышей из темной черепицы казался очень уютным местечком.

Какой-то дилижанс, выглядевший довольно богато для этих мест, запряженный четверкой игреневого лошадок, как раз собирался отправляться.

— Нам везет. — Я вскинул руку, привлекая внимание возницы, забиравшегося на козлы.

— Только для благородных, парень! Взять не могу! — отмахнулся тот. — Через два часа пойдет общественный дилижанс.

Мне совершенно не улыбалось торчать здесь, так что я воспользовался своим правом:

— Я из Братства.

Он неохотно глянул из-под широкополой войлочной шляпы и увидел сапфир на кинжале. Знал, что отказывать не резон. Многие страны давно заключили соглашение с Арденау — стражи имеют право перемещаться на любом виде транс-

порта, даже в графской карете, если это требуется для их работы. Городские управы обязаны предоставлять им место в дилижансах, а если такого не найдется, то помогать с покупкой лошадей.

— Тогда ладно. Залезай. Но оплата у нас дороже. Пол флорина серебром.

Проповедник присвистнул:

— А может, им еще сплясать? Это же грабеж, Людвиг! Вам пора уже было решить вопрос о бесплатном проезде! До города меньше четырех часов! За что такие деньжищи?! Или это передвижной бордель?

Не знаю, с чего он решил считать мои монеты. Брал бы пример с Пугала. То уже вскарабкалось на козлы, а с них на крышу, собираясь прокатиться с ветерком.

Я заплатил вознице, повернул массивную ручку и забрался в дилижанс. Просторный, с мягкими кожаными лавками, бархатной обивкой стен, позолоченными клепками и фигурными хрустальными светильниками на правой стенке.

— Доброго дня, — поприветствовал я пассажиров.

Их было двое. Немолодой мужчина с крупной, бочкообразной грудью, редкими волосами, густыми баками, в дорогом костюме, с золотой цепью на шее. И совсем еще юная девушка, белокожая, хрупкая, с каштановыми волосами. Судя по внешнему сходству, они были родственниками. Или отец с дочерью, или дядюшка с племянницей.

Господин посмотрел на меня хмуро. Одежда на мне была добротная, но явно не подходила для благородного, а следовательно, мне не пристало находиться рядом с ними. Прежде чем он указал на дверь, его спутница мягко намекнула:

— Это скорый дилижанс Клагенфурта, созданный для уважаемых жителей поместий Ваугта и Доргельбау. Он не берет сторонних пассажиров.

— Благодарю вас...

Я сделал многозначительную паузу, и мужчина поколебался, прежде чем назвал себя:

— Господин Клаус фон Демпп, ландрат¹ Доргельбау. А это моя дочь Ульрике. Кто вы?

— Я Людвиг ван Нормайенн, из Братства, — представился

¹ Глава района, одна из руководящих должностей дворянского собрания провинции.

я и обратился к девушке: — Если бы не важные обстоятельства, я не побеспокоил бы вас, госпожа.

Ландрат неохотно кивнул:

— Страж имеет право путешествовать с нами, Ульрике.

Дочь улыбнулась:

— Простите, господин ван Нормайенн, мою грубость. Я не знала. В прошлый раз в наш экипаж забрался какой-то странствующий студент в цветастом плаще, и отец выбросил его на обочину.

Клаус фон Демпп заворчал, словно старый пес. Ему явно было неприятно вспоминать об этом.

— Вы тоже направляетесь в Клагенфурт?

— Совершенно верно, госпожа.

— Были когда-нибудь там?

— Ульрике, — укорил ее ландрат. — Твоя назойливость бестактна.

Девушка виновато опустила глаза:

— Простите, господин ван Нормайенн. Я совершенно не думала вам досаждать.

— Какое милое дитя! — восхитился Проповедник, все это время сидевший рядом.

— Ну что вы. Вы мне совсем не досаждаете, — ответил я, про себя отмечая, насколько мягко двигается карета. — Я никогда не был в Клагенфурте.

— Поверьте, вы не разочаруетесь. Очень красивый город, особенно его старая часть. Ну и сады герцога возле летнего дворца. Жаль, что сейчас не апрель, когда все начинает цвести. Вы ведь из Альбаланда? В вашей стране много тюльпанов.

Я кивнул. Именно моряки-альбаландцы привезли первые тюльпаны от хагжитов.

— Если вы не знаете, где остановиться, то таверна «Два сердца и шпага» лучшее место в городе.

Проповеднику пришла в голову кое-какая мысль, и он ее тут же озвучил:

— А может, это и не милый ребенок. Может, она настолько сошла с ума от настоящего живого стража, что ночью ты обнаружишь ее у себя в постели. А потом папочка прибьет твою содранную кожу к своим воротам.

Я, как водится, оставил его слова без внимания:

— Воспользуюсь вашей рекомендацией, спасибо.

Фон Демпп благосклонно улыбнулся, отвернулся к окну.

Его дочь, подложив под голову атласную подушку, прислонилась к стенке и задремала. А спустя уже полчаса крепко спала.

Ее отец, отвлекшись от созерцания весенних пейзажей, вновь заинтересовался мной и спросил негромко, чтобы не разбудить девушку:

— Вам известно, что в Клагенфурте напряженная обстановка?

Я удивленно поднял брови:

— Нет. Но если там не все так безоблачно, зачем вы туда едете? И тем более везете ее?

— Ландраты должны присутствовать на совете городской управы. А Ульрике... Хочу отправить ее к тетке, в Бьюргон, подальше отсюда. В Клагенфурте она останется на одну ночь, а затем уедет первым же дилижансом. Если честно, не думаю, что в городе что-то случится. Слава Богу, это не Лисецк.

— В чем проблема?

Тот тяжело вздохнул:

— Клагенфурт — город ремесленников. Он триста лет процветает благодаря своим мастерам, гильдиям и товарам. Цеха вечно враждовали между собой за вольности, поставщиков, внимание знати да деньги клиентов. Но теперь гильдии в первый раз объединились и начали мутить воду. Они недовольны тем, что вскоре должно произойти. Вы ведь знаете, что наш герцог увеличил плату со всех северных городов из-за нового армейского налога?

— Нет. Я редко бываю в Удальне. Намечается война?

— Обострения на границе с Лезербергом из-за угольных шахт. В январе несколько мелких стычек. — Он рассеянно погладил золотую цепь на шее. — Надеюсь, этим все и ограничится, но его светлость на всякий случай решил уделить внимание армии. Моя страна ни с кем серьезно не воевала вот уже тридцать лет. Герцог покупает флотолийские аркебузы и пушки. И набирает шесть новых рейтарских полков для усиления границы. Сами знаете, в какие суммы обходятся подобные реформы.

Я знал. Лошади, клинки, кирасы, порох, ядра, фураж, жалование солдатам, привлечение наемных частей и прочее, прочее, прочее выльются в итоге в гору золотых флоринов.

Сегодня я был склонен к подозрениям и отметил для себя, что приграничный конфликт возник очень быстро после того, как его светлость передал под опеку Геры Эрика. Если вспомнить, что Орден имеет довольно серьезное влияние в Лезер-

берге и не может мстить Риापано, в отличие от герцога, которого можно подергать за усы...

Заговор вырисовывается занимательный.

Если моя теория верна, не думаю, что будет кровопролитная война. Князь Лезерберга, конечно, дружен с законниками, но не настолько, чтобы развязывать серьезный конфликт, терять людей и деньги.

— Мастеровые не желают оплачивать войну. Даже скоротечную, — понял я.

— Не желают. Урожай в прошлом году был плохой, цены на продукты выросли. Той весной уже повышали налог на армию, теперь происходит то же самое, но деньги требуют большие. Но воду, господин ван Нормайенн, мутят отнюдь не мастеровые, а главы гильдий. С тех, кто торгует шелком, шерстью и хагжитскими пряностями, налог берут немалый. И конечно же никто из них не желает распахивать сундуки с золотом и отдавать тридцать процентов своего годового дохода.

— И поэтому гильдии предпочитают тыкать зажженным факелом в солому.

— Очень точно сказано, страж. Простой рабочий люд вспыхивает, как порох. Нужна лишь метко брошенная искра.

Он покосился на спящую дочь, и на его лице впервые появилось тревожное выражение.

— При каких обстоятельствах следует ждать неприятностей? — спросил я.

— Если совет ландратов одобрит налог.

— Слова его светлости разве недостаточно?

— У Клагенфурта ряд вольностей, которым уже несколько веков. Сперва ландраты обязаны подтвердить, что принимают налог. После их голосования городская управа из восьми избранных уважаемых жителей подписывает бумагу и отправляет ее бургомистру. И только после его печати, обязующей чиновников собрать подати, начинает действовать приказ герцога.

Я усмехнулся, вспоминая его светлость Рихарда фон Заберга. Нрав у этого правителя был не то чтобы мягкий.

— И как часто благородные люди из ландратов вашего региона идут наперекор властелину страны?

Он вернул мне усмешку:

— Никогда.

— Сплошная никому не нужная бюрократия, — презрительно скривился Проповедник.

— Ваше решение всего лишь формальность. Вы поддерживаете налог.

Фон Демпп развел руками:

— Иного способа все равно нет. Нам нужна сильная армия, для этого требуются деньги. И лучше столкнуться с недовольством черни, чем с обвинением в государственной измене. Гильдии сеют смуту, но я уверен, что у них не хватит духу начать бунт. Бургомистр хорошо платит стражникам.

— Их меньше, чем горожан, — резонно возразил я ему.

— Конечно. Но совет ландратов еще в сентябре одобрил наем двух рот кондотьеров. Это почти пятьсот хорошо обученных солдат.

Угу. Хорошо обученных убийц. Кондотьеры серьезные рубаки, но северян они никогда не любили и частенько меняли хозяев. Лично я не поручусь, что, если в городе закипит, они останутся верны бургомистру. Вполне возможно, вместо того чтобы подавлять бунт, наемники пойдут грабить и насиловать.

— А кроме них? — поинтересовался я. — Есть в городе регулярные части?

— Да. Рота латников и бригада легкой кавалерии. Уверен, армия подавит любые волнения.

Я хмыкнул.

— В Лисецке тоже так думали. Народ затоптал солдат, — напомнил я ему. — Когда случается бунт, люди перестают быть людьми и превращаются в жаждающую крови толпу.

— Я их не боюсь, — рассмеялся он.

А зря.

— Когда собирается совет?

— Послезавтра в полдень. Перед этим отправлю Ульрике к сестре.

— Позвольте вопрос?

— Пожалуйста.

— Вы рассказали мне все это с какой-то целью. Рассказали, хотя не любите таких, как я. И не слишком возражали, когда ваша дочь пригласила меня в ту же таверну, где собираетесь остановиться и вы. Почему?

Несколько секунд он изучал меня, затем, признавая правоту моих слов, неохотно произнес:

— Мой отец называл вас компанией, собранной из беспризорников без роду и племени. Мелкими зверьками, из которых выращивают псов, натасканных и подготовленных для

убийства. Его злило, что нам, благородным, зачастую приходится считать вас ровней и спускать многое из того, что непозволительно другим.

Я знавал подобных господ. Их страшно бесит, что у людей вроде меня есть возможности, которых нет даже у владельцев. Например, долгая, пускай и в теории, жизнь. Или право ехать с ними в одной карете. Кое-кто из баронов и ландратов решительно не может вытерпеть подобную, на их взгляд, несправедливость.

— Слышал подобную точку зрения. Она довольно быстро меняется, стоит лишь во влиятельном доме случиться необъяснимому. Тогда все принципы отменяются, и благородные господа зовут таких, как я.

— Вполне понимаю вашу иронию. — Он не показал, что ему обидны мои слова. — Но в моей стране дворяне ревностно относятся к своему положению и привилегиям. Так что, простите, господин ван Нормайенн, мало кто стерпит присутствие стража в экипаже для благородных господ. Если, конечно, сам страж не является носителем высокой крови, как двое детей нашего герцога.

Проповедник хмурился. Ему не нравилось, что его спутника считают человеком второго сорта. Старый пеликан давно привык, что лишь он может выражать недовольство моими поступками.

— И тем не менее я еду рядом с вами.

— Законы. — Его улыбка как бы говорила мне, что, не будь их, мы бы не беседовали. — К тому же я гораздо терпимее своего отца и куда меньше кичусь благородной кровью. Времена изменились.

Он откинулся на мягкую спинку кресла и вновь стал изучать проплывающий пейзаж. Но я кашлянул, привлекая к себе его внимание.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, ландрат. Если общество стража вам не слишком приятно, то почему не ограничить наше знакомство дилижансом?

— Из-за нее. — Фон Демпп кивком указал на спящую дочь. — Она всегда мечтала увидеть человека из Братства.

Сочтя, что этого ответа достаточно, ландрат сделал вид, что забыл обо мне.

— Ложь, — пропел мне на ухо Проповедник. — У этой благородной паскуды на роже все написано.

Я ободряюще кивнул, мол, выскажи свои предположения.

— Он считает, если что-то вдруг действительно начнется, то страж под одной с ним крышей защитит его семью. Вас же обычно не трогают.

Я вспомнил бунт в Лисецке, озверевшую толпу и то, как мы с Гансом улепетывали по улице. У тех, кто гнался за нами, как-то выскочило из головы, что стражей лучше не трогать.

Так что, мне кажется, фон Демпп зря надеется на защиту того, кого не слишком-то жалует.

Пугало весь вечер проторчало возле окна. Оно напоминало лисицу, почуявшую близость цыплят, и теперь во всей его позе сквозило предвкушение. А предвкушать Пугало могло только одно — развлечения, которые частенько были у него довольно однобоки и для всех остальных заканчивались кровью и смертью.

Я тоже чувствовал напряженную обстановку в городе. Атмосфера тревоги растеклась по улицам, заползла в дома, а следом за ней, на мягких лапах, следовал пока еще невидимый, но уже ощущаемый страх. Кроме этих двух вечных спутников был еще кое-кто. Но столь призрачный, что я не готов был поручиться, что слышал шорох плаща и видел блеск луны на лезвии косы.

Люди выглядели нервными, шептались, косились на усиленные патрули стражи и наемных рот. За час до сумерек город закрыл ставни и захлопнул двери. Улицы опустели.

Когда стемнело, я зажег свечи, Проповедник присоединился к Пугалу возле его наблюдательного пункта, проводил взглядом десяток солдат в кирасах, с алебардами и факелами и высказал в общем-то здравую мысль:

— Уезжай, пока не началось. Опереди события, залезь в карету, запрыгни на лошадь, используй ноги, но беги. Времени у нас мало. Потом ландраты, точно глупые гуси, поддержат закон герцога, и, если главы гильдий хорошо обработали мастеровых, начнется погром.

— Проповедник, ты меня поражаешь своими тактическими решениями. — Я как раз снимал сапоги. — Я не могу уехать прямо сейчас и без дочери Вальтера.

— Святой Лука! Ты хоть и здоровый, но вроде не тупой! Так забери ее! Немедленно!

— Не выйдет. Их дом в Мельничьем колесе. Знаешь, что это такое? Внутренняя городская стена. Со всей ерундой, что

творится, ворота закрываются за час до заката. Я узнавал у хозяйки. До утра туда не попаду. Так что расслабься. К тому же мне никто так просто ничего не отдаст. С утра следует оформить документы.

Он хлопнул себя по лбу:

— Ах, ну да! Ведь чтобы не прицепился Орден, требуется какая-то бумажонка... как ее там?

— Право передачи родственника Братству. С подписями родителей, или попечителей, или опекунов, если только это не круглая сирота. Тогда попечителем выступает любой священник. Также требуются печати, разрешения и заверения. Да еще мать следует уговорить.

— Да отойди ты отсюда! — с раздражением обратился Проповедник к Пугалу. — На улице тьма хагжитская. Ни черта не видно.

Оно даже не шелохнулось.

— Почему Вальтер так уверен, что у его ребенка есть дар? — вновь перескочил старый пеликан на беспокоившую его тему. — Разве темные души не должны были уже найти ее?

— Если дар проявился несколько месяцев назад, то нет. Он слишком слаб. Потребуется год или два, чтобы он развился и привел к проблемам. Пока ребенок мал, темные души ему не страшны. До девяти лет точно.

— Но в Братство вы берете чуть ли не с пяти.

— Просто и мы, и Орден предпочитаем забирать детей как можно раньше, чтобы научить их как можно лучше.

— Ты ведь не только заботишься о ребенке со способностями, да?

Порой Проповедник становился очень пронизательным. Я не ответил, и он едва слышно хмыкнул:

— Девочка станет заложницей в Арденау?

— Она станет ученицей. С такими же правами, как и у всех остальных детей. Но если через нее магистры смогут надавить на Вальтера, то я не сомневаюсь — они сделают это.

Он молчал, обдумывая услышанное, и я завалился на кровать, предупредив его:

— Последний вопрос. Мне, в отличие от тебя, приходится спать.

— Как ты думаешь, зачем он просил Кристину забрать дочь в Арденау? Почему не в Орден, с которым колдун сотрудничает?

— Это целых два вопроса. — Прежде чем ответить, я положил руку под голову. — Ну, если верить истории о том, что темный кузнец заплатил какому-то законнику темным кинжалом, чтобы тот в обмен отдавал ему клинки стражей... Вряд ли Вальтер сильно жаждет, чтобы его ребенок оказался в месте, полном гадюк.

— А мне кажется, что это попытка искупления. Или откупа. Это уж как тебе больше нравится. По его вине погибли несколько стражей, и теперь он отдает свое дитя в Братство.

— Проповедник, порой ты слишком хорошо думаешь о людях. Давай спать...

— Людвиг! Вставай! — Старый пеликан орал мне прямо в ухо. Такие вопли даже каменного идола подняли бы, не то что меня.

Мало что соображая со сна, я сел на кровати.

— Какого черта?! — довольно зло спросил я у него.

Комнату заполнял бледно-алый свет, льющийся из окна, и силуэт Пугала, прилипшего к стеклу, был, несмотря на глубокую ночь, прекрасно различим. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что означает это зловещее зарево.

— Твою мать! — в сердцах сказал я, поспешно одеваюсь. — Началось!

— Пожар? Ну да. Горит уже несколько минут.

— Какой, к чертям собачьим, пожар?! Это бунт.

— Иисусе Христе! — перепугался тот. — А ты не путаешь? Совет по вопросу принятия налога ведь еще не собирался!

— И не соберется. Гильдии не стали ждать. Черт! Как же не вовремя!

Я услышал крики на улице, выглянул вниз, увидел фигуры с факелами. Почти с десяток пытались выбить дверь в соседнем доме, используя для этого дубовую лавку. Еще несколько человек бросились к таверне.

— Просто прекрасно! — Я оставил рюкзак на месте, забрав из него лишь деньги.

— Чего они хотят?

Пугало на вопрос старого пеликана красноречиво провело пальцем по горлу.

— Чего обычно желают люди, когда наступает беззаконие? Убить, ограбить, сломать, поджечь и изнасиловать. Не поручусь, что именно в таком порядке. — Я взял лежащий на столе палаш, пожалев, что нет при себе пистолетов. — Горожане

одуреют от крови и вседозволенности и устроят такое, чего постыдились бы банды ландскнехтов.

— Но это же их город! Они же не солдаты, которые берут его штурмом! Им здесь жить!

— Когда подобные мелочи кого-нибудь останавливали? Превратиться из примерных горожан в кровожадное стадо — дело нескольких минут. Лисецк тому примером.

По лестнице застучали сапоги и башмаки.

— Он здесь? — спустя несколько секунд грубо спросили за моей дверью.

— Нет! В конце коридора. Там лучшие комнаты. — Я узнал хриплый голос хозяйки.

И он был отнюдь не испуганным.

Вновь топот. Компания направилась прочь.

Мы с Проповедником переглянулись, так как оба знали, кто снял большие апартаменты.

Загрохотали кулаки.

— Открывай, чертов ландрат!

— Господи! — кратко вздохнул Проповедник. — За что, Господи?!

Пугало проворной крысой уже юркнуло наружу. Оно не желало пропустить ни секунды происходящего действия.

— Ты должен помочь! — неожиданно сказал старый пеликан.

Взявшись за засов, я все же не удержался от колкости:

— На тебя это не похоже. Обычно ты умоляешь не вмешиваться.

Я вылетел в плохо освещенный коридор в тот момент, когда мастеровые высадили дверь и с ревом вломились к ландрату. Почти тут же раздался высокий, пронзительный девичий крик.

Хозяйка «лучшей таверны в городе» оказалась у меня на пути. Рядом с комнатами она присутствовала не без причины. И дураку понятно, кто сообщил о важном постояльце и привел жаждущих расправы горожан. Я не церемонясь отшвырнул ее в сторону, к стене, шагнув внутрь.

Помня Вион, я не собирался допускать тех же ошибок, что мы совершили с Гансом в прошлый раз. Беседы и увещевания здесь бесполезны.

Их было шестеро. Один держал вырывающуюся из его рук кричащую девчонку, двое повисли на плечах ландрата, а их то-

варищ безостановочно тыкал сапожным ножом благородному в грудь и живот.

Остальные наблюдали.

Мой палаш со свистом рассек воздух, опустился на плешивую голову ближайшего парня, расколов череп с противным звуком и разбрызгав мозг и кровь во все стороны.

— Какого че... — Товарищ убитого начал оборачиваться, и я ударил с отшагом назад, концом клинка, перерубив ему гортань, так что вместо того, чтобы произнести оставшиеся звуки, человек лишь захрипел, пытаясь зажать руками рану.

Убийца с сапожным ножом бросился на меня. Через мгновение к нему присоединились двое других, наконец-то отпустившие уже мертвого ландрата. Они отцепили от поясов мастеровые топорики¹, решив, что втроем без труда меня одолеют.

Четвертый, самый здоровый, продолжал держать девчонку.

Судя по нашивкам гильдий на куртках, они были сапожниками и шорниками. Ребята умели нападать толпой да дубасить одиночек, но по тому, как они двигались и мешали друг другу, становилось ясно, что с хорошо вооруженным человеком до этого никогда не сталкивались. Я отступил в коридор, обеспечив придуркам выход через узкую дверь поодиночке.

Первый сунувшийся ко мне упал на пол с перерубленной ключицей, двое других сразу же отступили назад, понимая, что так просто меня не взять. Я не дал им времени на то, чтобы придумать какой-нибудь план действий.

Атаковал одного, он парировал топориком, но мой тяжелый клинок заставил его отшатнуться. Я, сократив дистанцию, режущим движением палаша полоснул его по руке, повернувшись на левой ноге, что есть силы ударил гардой в лицо, круша зубы и челюсть.

Тут же присел, вскидывая палаш вверх и защищая голову от удара человека, подскочившего ко мне сбоку. Пнул его ногой по колену, промазал, перехватил руку и всадил широкий палаш между ребер, так что он выплюнул кровь прямо мне в лицо.

Мой клинок застрял, я, чертыхаясь, оттолкнул мертвеца, и, пока вытирал рукавом кровь, попавшую на веки, оставшийся в живых мастеровой начал действовать.

¹ Мастеровой топорик — небольшое оружие с тонким лезвием, которое обычно носят за поясом, по аналогии с кинжалом. Является необходимым атрибутом ремесленников отдельных мастеровых гильдий.

Он швырнул в меня Ульрике. Я поймал ее, точно мяч для игры в квилльчио, хоть как-то смягчив падение, а после мне уже стало не до того, чтобы проверять, как чувствует себя дочь погибшего ландрата.

Я не самый маленький человек в мире, но этот детина походил на гору. Он оказался молодым черноволосым парнем, крайне разозленным тем, что я устроил здесь самую настоящую мясную лавку, разделав на грудинку и бекон его товарищей. У противника не было никакого оружия, но каждый из его кулаков напоминал молот, а руки были достаточно длинными, чтобы не давать мне воспользоваться кинжалом.

Мастеровой оказался очень подвижен и умело загонял меня в угол. Оставалось лишь уклоняться, ощущая, как ветер то и дело проносится рядом с лицом. Я пытался зацепить клинком по его запястьям, но не успевал, так быстро мелькали его оглобли.

Я едва не споткнулся об одно из тел, и он, с ревом оказавшись рядом, схватил меня за грудки и кинул. Перелетев через стол, я грохнулся на пол, радуясь, что мне противостоит все же любитель, а не опытный боец, который бы не швырялся мной, а уже сломал шею.

Ульрике с отчаянным воплем прыгнула великану на спину, замахнулась, и я увидел в ее руке мастеровой топорик. Первым ударом она отрубила парню правое ухо, вторым рассекла лицо. Но эти раны, пускай и кровавые, не убили его.

Ремесленник, вопя, сгрэб ее за шкуру здоровой лапищей, отбросил от себя, точно надоедливое насекомое. Пока он, забыв обо всем на свете, пытался нашарить в полутьме собственное ухо, я оказался рядом, оттянул его подбородок вверх, натягивая кожу на шее, и одним движением перерезал горло.

— Подыхай, мразь! — плюнула ему в лицо дочь ландрата в разорванном платье.

На улице гулко забил набат, и его звон подхватили колокола других церквей.

— Тревога? — Проповедник, в отличие от ходящего по лужам крови Пугала, стоял в дверях.

— Нет, — ответил я ему. — Призыв выйти на улицу всем, кто еще остается дома.

Я убрал кинжал в ножны, с большим трудом вытащил палаш из мертвеца. Один из мастеровых, тот, кому я разбил

лицо, все еще был жив. Я, не глядя на него, подошел к девчонке, стоявшей на коленях возле мертвого ландрата:

— Нам следует уходить, госпожа фон Демпп. Пока еще не поздно.

Она обернулась ко мне, и я увидел, что ее щеки мокрые от слез.

— А отец?

— Думаю, он бы не хотел, чтобы вас схватили.

Мне показалось, что она откажется и придется волоочь ее силой, но девушка кивнула:

— Да. Вы правы... Конечно, вы правы.

Мы вышли в коридор в тот момент, когда снизу раздались истеричные вопли хозяйки:

— Быстрее, олухи!

Я взял Ульрике за руку, потянул за собой, в противоположную от выхода сторону. Здесь, в закутке, была еще одна лестница, заканчивающаяся люком, ведущим на чердак.

На нем висел хлипкий замок, я выломал его с помощью палаша, используя тот как рычаг. Толкнул крышку от себя, забрался, помог девушке. Сквозь окошко проникало алое зарево, бросая узкую полоску света на дощатый пол. Я увидел сваи, несколько ящиков, лопату и поломанные грабли. Ящики, на наше счастье, оказались тяжелыми. Я приволок их, поставил на люк. Это должно было задержать преследователей на какое-то время.

— И что теперь? — негромко спросила Ульрике.

— Вы боитесь высоты?

— Не знаю, — нахмурившись, ответила она. — Хотите сбегать по крыше?

— Ничего другого не остается.

— В городе ведь тоже опасно, да?

— Там, по крайней мере, не знают, что вы дочь ландрата. Ваша юбка... — Я указал на порванную ткань. — Будьте осторожны, пожалуйста.

Она быстро кивнула:

— Со своим платьем я совладаю. Просто не бросайте меня.

Я распахнул окно, выбрался наружу. Следом за мной вылезла девушка. Охнула, закачалась, теряя равновесие из-за поехавшей под ногой черепицы, и я тут же подхватил ее под локоть:

— Держитесь! Не смотрите вниз!

Она хотела мне ответить, но налетевший порыв холодного мартовского ветра заставил ее вздрогнуть. На ней было лишь легкое платье, совершенно бесполезное по такой погоде.

На двух городских звонницах били в набат, слышались ослабленные расстоянием крики, хлопки выстрелов из аркебуз. Я быстро осмотрелся, постаравшись оценить обстановку.

На окраинах, у внешней стены и за ней, в пригородах, все было спокойно. Казалось, тамошние жители и не подозревают о том, что творится в других частях города. Ближайший пожар бушевал на соседней улице, и горело там очень хорошо. Языки пламени порой взлетали выше крыш — скорее всего, бунтовщики подожгли какие-то склады.

Я насчитал двенадцать пожаров, разбросанных по всему городскому центру, старым кварталам, мастерским цехам. Уверен, что это не конец, а лишь начало.

— Как мы спустимся? — спросила меня Ульрике.

— Должна быть лестница. Идемте!

Я подвел ее к краю крыши, обернулся, проверяя, нет ли преследователей. Все было тихо. То ли они не догадались, куда мы делись, то ли все еще не могли открыть люк.

На дальней крыше я уловил движение — нечто небольшое и темное забралось на выступающий карниз и жадно нюхало воздух. Нечисть чувствовала смерть, выползала из укромных щелей, чтобы принять участие в кровавом пире. Уверен, что скоро дадут о себе знать и темные души. Как старые, так и новые, появившиеся в эту ночь. Нас тварь не замечала, все ее внимание было приковано к тому, что происходило на соседней улице.

— Людвиг! — окликнул Проповедник. — Вот тут можно слезть.

Эта сторона дома смотрела во внутренний двор. Я увидел небольшой балкончик, на который было нетрудно спрыгнуть, а с него вполне реально перебраться на скошенную крышу сарая.

— Я не смогу, — прошептала девушка, стоило ей оценить расстояние.

— Можете! — возразил я. — Другого пути нет. Я пойду первым, затем поймаю вас. Хорошо?

Она с сомнением кивнула.

Я отстегнул палаш, бросил его вниз, и она вздрогнула от громкого лязга железа. Еще раз ободряюще кивнув Ульрике,

взялся руками за выступ, повис, а затем разжал пальцы. Приземлившись, махнул девчонке. Высота в два моих роста ее пугала, и она нерешительно села на краю. Затем вспомнила, как это делал я, тоже повисла на руках, предоставив мне возможность любоваться тройкой кружевных юбок.

— Поймаю!

Она полетела вниз, и я подстраховал Ульрике, подхватив на руки. Дальше все пошло как по маслу. Я спрыгнул на сарай — у него оказалась крепкая крыша, выдержавшая мой вес, — помог спутнице, и уже через две минуты мы очутились на земле.

Тут же залаял цепной пес. Не обращая на него внимания, я повел девушку к забору, сильным ударом ноги выбил хлипкую калитку и шагнул в темный, узкий переулок.

— Я постараюсь вас спрятать. Этой ночью дочери ландрата на улице находиться опасно.

— Они знали, где мы остановимся. Они убивают всех, кто должен был выносить решение по налогу.

— Вы правы. Сперва их, а затем всех, кто попадет под руку.

— А бургомистр? Вице-примар? Каноник?

Я покачал головой:

— Не знаю. И не хочу о них думать. Если им будет сопутствовать удача, они увидят следующее утро.

Мы вышли на улицу и тут же отпрянули назад, во тьму переулка, так как за углом загрохотали копыта. Шестеро всадников пронесли мимо, отчаянно нахлестывая лошадей, торопясь куда-то в сторону ворот внешней стены.

— Стража, — негромко сказал я.

— Они остановят безумство.

У меня было впечатление, что ребята спешат не для того, чтобы выполнять свою работу. Скорее наоборот, их основное желание — свалить как можно быстрее и как можно дальше. Иначе отчего они проскакали не в сторону ратуши и домов богатых горожан, где сейчас, уверен в этом, льется кровь.

Ульрике дрожала от холода, и я протянул ей свою куртку, несмотря на возражения.

— У меня свитер. Мне не холодно. Надо было раньше вам отдать, но я боялся, что одежда большого размера помешает вам спуститься.

Она сразу же утонула в ней, став еще более затравленной и несчастной.

— Я отведу вас в безопасное место. Просто доверьтесь мне. И ничего не бойтесь.

Девушка лишь сжала мои пальцы, и мы поспешили по затаившейся улице.

На трупы мы наткнулись возле сада, что разбились на берегу Обводного канала. Ульрике, увидев мертвых и темную кровь на камнях, не произнесла ни звука, лишь побледнела и шагнула назад.

— Это же мастеровые. Почему убивают их? — не выдержав, спросила она, когда мы прошли мимо.

— Ландратами не ограничатся. Бьют всех. В первую очередь чужаков. Затем богачей. Потом тех, кто не в их мастеровой гильдии, или же тех, кого они ненавидят и давно затаили против них зло. Ночь — жестокое время, госпожа фон Демпп.

К утру на улицах, особенно центральных, окажется много трупов, если только городская стража и расквартированные в Клагенфурте военные части быстро не опомнятся и не возьмут ситуацию под свой контроль.

Опыт подсказывал, что как минимум четверть военных и стражи присоединятся к грабегам и погромам.

Вновь трупы. Я склонился над телом женщины, увидел, что ее ударили по голове, проломив череп, перевернул тело на живот и начал распутывать шнуровку платья.

— Что вы делаете?! — с ужасом спросила Ульрике гораздо громче, чем стоило.

— Да-да. Мне тоже хотелось бы это знать, — поддержал ее Проповедник. — На тебя это не очень-то похоже.

— Она мертва. И ей больше не нужно ни платье, ни теплый плащ. В отличие от вас. К тому же ваша одежда слишком богатая, а потому заметная. Ее следует сменить как можно скорее.

— Это так необходимо?

Я посмотрел ей в глаза:

— Да. Если вы хотите выжить.

Та поколебалась, а затем начала помогать мне раздевать труп.

— Проповедник, верти головой. Если кто-то появится, скажи.

— Уже делаю это, — ворчливо бросил тот.

— С кем вы говорите? — нахмурилась девушка.

— С одной светлой душой. Не бойтесь.

— Сегодня я боюсь только людей.

Крики раздались за соседним домом, я вскочил, держа в руках палаш и бросив моей спутнице:

— Поторопитесь.

Но кто бы там ни шумел, на улице он не появился.

— Где можно переодеться? — спросила дочь ландрата.

— О, Господи! — закатил глаза Проповедник. — Сейчас не время для скромности!

— Вот здесь. — Я указал ей на темную подворотню, которую наполовину загораживала жестяная бочка с дождевой водой. — Пожалуйста, быстрее.

— Святой Франциск Ньюгортский и все его несчастные дети! — занервничал старый пеликан. — Зная благородных дам, могу сказать, что без служанки она провозится целую вечность.

Он ошибся. Ульрике справилась за три минуты. Платье было ей почти в самый раз, а теплый плащ на плечах, темно-коричневый и длинный, подходил гораздо лучше, чем заметные ярко-голубые тряпки благородной.

За это время на улице так никто и не появился.

— Мы пойдем к внешним воротам?

— Нет. Слишком далеко. Уверен, они либо закрыты, либо их уже захватили. С той стороны недавно раздавались выстрелы...

Я осекся. Из окна ближайшего дома, светленького, аккуратного и ухоженного, с криком вывалился человек. Раздался глухой удар, и тело, дернувшись, осталось лежать на мостовой. Двое убийц высунулись наружу, посмотрели на мертвеца, увидели нас.

— Идите спокойно. — Я чувствовал, как ногти Ульрике впиваются в мою ладонь.

Убийцы проводили нас взглядами, так и не окликнув.

— Я веду вас в «Фабьен Клеменз и сыновья». Ближайшее отделение через три квартала отсюда.

— Это почти рядом с Ратушной площадью. Не лучше ли укрыться в каком-нибудь доме?

Я остановился, увидев впереди разгромленные торговые лавки и мертвецов в исподнем.

— У вас есть на примете такой, госпожа фон Демпп? — напрямик спросил я.

— Нет. — Она прижалась к стенке, обходя трупы и стараясь на них не смотреть.

— И у меня тоже. Нас попросту не пустят. Не в эту ночь. А если пустят, то существует слишком большой шанс, что выдают.

— Но банк... Сейчас ночь. Они не работают. А если там кто-то и есть, разве клерки откроют нам дверь?

— В Лисецке они помогали людям. Три отделения спасли от резни почти сотню человек. Основное требование — вы должны быть клиентом «Фабьен Клеменз и сыновья» и на вашем счету должны храниться деньги. Много денег. Как у вас с этим?

Она задумалась:

— Отец сотрудничал с ними. Год назад он сделал мне подарок, открыл счет. Сколько там дукатов, я не интересовалась. Была только раз, когда заключали контракт.

— Уже легче. Значит, нас хотя бы выслушают.

— Люди, грабящие торговые лавки, пойдут разорять и место, в котором хранится золото. — Несмотря на сильный стресс, она рассуждала очень здраво.

— Верное предположение. Но только «Фабьен Клеменз» это не магазин, торгующий шерстью. Их еще никому и никогда не удавалось ограбить.

— Впереди опасность! — крикнул Проповедник, который, точно ищейка, рыскал по переулкам и теперь находился на противоположной стороне улицы, возле решетчатой ограды небольшой церковной часовни.

— Пойдите, — попросил я Ульрике, а сам прокрался вперед и выглянул из-за угла.

Человек двадцать, все с оружием, пытались выломать ворота богатого дома. Створки оказались мощными, в ход пошли топоры.

— Смерть пособникам ландратов! — закричал пузатый мужик в фартуке портного.

— Смерть! Смерть! Смерть! — подхватила толпа, и факелы бросали на их искаженные ненавистью лица кровавые блики.

Несколько человек вытащили из церкви лавки, свалили их в груды и разожгли большой костер. Какой-то юнец, опьяненный своей удалью и вседозволенностью этой ночи, зашвырнул факел на крышу, но тот скатился по черепице, упал за забор. Идею молокососа подхватили еще несколько человек, но

теперь они целились в окна. Одному удалось попасть, и факел, под улюлюканье народа, поджег штору. И в этот момент дом ожил, и с разных этажей прогремел слаженный залп восьми-девяти аркебуз.

Осажденным не надо было даже целиться. Жажущих пробраться внутрь оказалось довольно для того, чтобы каждая из тяжелых пуль нашла свою цель. Послышались крики, в основном гневные, фасад начало заволакивать сизым дымом, толпа с ревом надела на ворота, желая как можно быстрее добраться до обороняющихся.

И тут грохнуло так, что землю у меня под ногами трянуло. Пугало аж подскочило, а затем, ничего не говоря, поспешило в гущу событий. У тех, кто скрывался в доме, оказалась легкая пушка, но, как видно, не имелось ядра. Скорее всего они не нашли ничего лучше, как засыпать в ствол пуль и положиться на волю создателя. Несмотря на расплзающийся едкий дым, я видел, что ошеломленные люди разбегаются, на мостовой лежат раненые и убитые.

— Что там? — спросила Ульрике.

— Ничего хорошего. — Я повернул на север, обходя квартал по кругу.

Мы прошли мимо четырех домов с выбитыми дверьми. На крыльце одного плакала женщина. Увидев нас, она в страхе отступила во мрак.

Проповедник поотстал, и мы нос к носу столкнулись с шестью бунтовщиками. У одного из них в руках было копьё, остальные оказались заняты тем, что сваливали награбленное добро на подогнанную телегу. Мы их интересовали лишь до тех пор, пока они не поняли, что чужаки не претендуют на добычу. Так что мы беспрепятственно прошли дальше.

— Аптекарская улица, — сообщила мне Ульрике, когда я спросил, где мы находимся. — До Ратушной площади отсюда идти пять минут. А от нее еще две минуты до «Фабьен Клеменз и сыновья». Нам сюда.

— Постойте, — умерил я ее пыл. — Если направимся прямо, то выйдем к ратуше?

— Да.

— Не подходит. Сейчас это одно из худших мест в городе. Есть другая дорога?

Она задумалась на мгновение, прикусив нижнюю губу.

— Через общественный сквер, вдоль пруда. Направо, в тот проулок. Нет! Стойте! Вон туда.

Мы спешили под звон набата и отдаленные выстрелы, стараясь держаться стен домов. По пути кого-то спугнули — я услышал во тьме шорох, а затем быстро удаляющиеся шаги.

Сквер оказался огорожен от улицы невысоким каменным забором. Ворота мы искать не стали, перебрались через ограду, под мрачными каштанами прошли весь путь, видя, как в холодной воде пруда отражается пламя пожаров, бушующих в соседнем квартале. Алые языки, точно венцы, украшали недостроенную крышу церкви.

Пугало подошло к самому берегу и помахало нам рукой, приглашая задержаться и полюбоваться огнем. Проповедник только сплюнул:

— Даже дом Господа не пожалели, нехристи!

— Сегодня не жалеют никого, — ответил я ему, чем снова удивил Ульрике.

Но на этот раз она сообразила, с кем я беседую, и ничего не стала переспрашивать. Прежде чем выйти из-под прикрытия деревьев, я огляделся, видя лишь лежащие на улице трупы. На одном из них сидела какая-то черная лохматая тварь и лапами пыталась выломать ребра.

— Что это? — с тихим ужасом спросила девушка. — Темная душа?

— Нет, раз вы его видите. Кто-то из нечисти.

Я увел ее обратно, к каштанам, где мы столкнулись с идущим навстречу Пугалом.

— Там тварь жрет потроха мертвеца. Любопытно? — вылез Проповедник.

Пугало конечно же заинтересовало такое редкое зрелище, и оно начало ломиться через кустарник. Я посмотрел на старого пеликана с осуждением.

— А что? — с вызовом спросил тот. — У меня сегодня дурное настроение, и соломенная голова порядком раздражает. Имею право отправить его куда подальше. Да ладно тебе, Людвиг! Все равно ведь от него никакого проку!

Улица, на которую мы выбрались, состояла сплошь из богатых домов, еще не тронутых грабителями. Я только успел порадоваться, что безумие пока не дошло до этого квартала, когда из-за поворота показалась плотная масса людей, вооруженных кто во что горазд.

— Смерть сторонникам ландрата! — заорал один из них и недвусмысленно указал на нас.

Я схватил Ульрике за руку, и мы бросились бежать прочь.

Проповедник скулил и оглядывался, слыша вой толпы, преследующей нас. Люди, точно псы, почувствовавшие добычу, забывшие о заповедях, законах и правилах, подчиняясь общей звериной воле, одуревшие от крови, смерти и вседозволенности, крушили все, что попадалось им под руку. Выламывали двери в лавки и жилые дома, убивали тех, кто был не с ними или не похож на них. Жадная цепь голодных муравьев, готовых сожрать и переварить любого, а к утру, когда безумие схлынет и толпа распадется на отдельных детей божьих, забыть о совершенном, замолить грех и убедить себя, да и других, что это все делали не они. Что им пришлось так поступить, чтобы не выделяться среди остальных.

Завтра они будут рыдать над обезображенными трупами, удивляться, отчего же вдруг умер сосед, отводить взгляды от младенцев с расколотыми головами, в потрясении ходить среди пожарищ и разрушенных зданий. Не понимать, почему оправившиеся власти хватают каждого третьего, колесуют, четвертуют и вешают на столбах.

Ведь это же не они. Никто из них не хотел ничего такого. Они готовы в этом поклясться. И палачам придется слушать их рыдания да мольбы, а уставшим священникам отпустить грехи и правых и виноватых, прежде чем веревка затянется на шеях бунтовщиков. Такое уже было в Лисецке. Будет и в Клагенфурте. По сути своей люди везде одинаковые.

Но пока же на пути толпы лучше не попадаться. Меня совершенно не обрадует, если какой-нибудь раскаявшийся поутру всплакнет над моим трупом и поскачет на исповедь.

Ульрике после бега дышала тяжело, она едва не падала в обморок от усталости, страха и всего того, что успела пережить за этот час. Я подхватил ее на руки и припустил еще быстрее, оставив замешкавшегося Проповедника далеко позади.

У перекрестка я заметил нескольких солдат. Они выглядели растерянными и перепуганными. Один оказался ранен и сидел привалившись к стене, истекая кровью. Самый толстый из них, завидев меня, опустил пику, не зная, чего ждать.

— Бегите, идиоты! — рявкнул я. — Толпа идет сюда от Раушной площади! Там человек триста!